

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА «БЕРЛИНЕР АНСАМБЛЬ» В МОСКВЕ

Долина, как поэт брехтовский Аркадий Чхеидзе в «Кавказском меловом круге», принадлежит тому, кто ее оросит.

Идеи Брехта принадлежат тем, кто его дело продолжает. Один из ведущих театральных коллективов ГДР «Берлинер ансамбль», бывавший в нашей стране и прежде, повторил ныне почти всю московскую гастрольную афишу 1957 года, включавшую и такие названия, как «Галилео Галилей», «Кавказский меловый круг», «Мамаша Кураж и ее дети».

Видевшие те спектакли непременно с восхищением отзываются о Елене Вайгель, Эрнсте Буше, Ангелике Хуриц и других прославленных актерах.

Галилей, выведенный на сцену в спектакле Манфреда Векверта и Иохима Теншерта,— и герой, и антигерой одновременно.

Личную драму Галилея театр легко объяснит вполне естественным жизнелюбием и обыкновенным страхом перед «инструментами» инквизиции. Физическим «убеждениям» Галилей предпочел отречение, закону физики — «закон» коллопроклонения. Но как человек общественный (а это уже вторая и главный взгляд театра на героя), ученый Галилей совершил непоправимое: предал выстраданную им истину. Безысходность положения героя усугубляется тем, что, даже если бы он и не сдался, его истину в ту пору никогда не признали бы. В эпизодах после отречения (текст его не случайно повторен в спектакле на нескольких языках) Галилей предстает сломленным человеком, нашедшим, однако, мужество не защищать — обвинять себя. Во втором действии выстраивается образ сложный, откровенно противоречивый, выдвигающий перед зрителем трудные вопросы. Сказать, что зал с большой охотой принимается искать на них ответы, было бы преувеличением. И все же в конце концов зритель этого не простого для восприятия спектакля-диспута захватывает спор героя с самим собой.

Внешне опустившийся, постаревший, беспрестанно причмокивающий губами, почти совсем слепой Галилей ухитряется поддерживать в нездоровом

своим теле здоровый дух самоиронии. Да, он не щадит себя, однако и не спешит паковать перед напористой молодостью. С иронией он смотрит и на искренне (пока!) негодующего Андреа Сарти (Мартин Зайферт): поживем, мол, увидим, не случится ли с тобой такое, что предусмотрел современный поэт — «он знал, что вертится Земля, но у него была семья».

Героя-бунтаря, человека с безнадёжно раненой совестью играет актер, не могущий пожаловаться на незнание зала к своей особе. Галилей Эккехарда Шалля занимает в спектакле преимущественное положение и благодаря недюжинному темпераменту актера.

Но уж где, кажется, Шалль дает себе полную свободу, так это в роли Аздака в «Кавказском меловом круге» (режиссер Петер Купке). Если первое действие этого спектакля разворачивается преимущественно как эпическая баллада о двух нежно влюбленных простолодинах — Груше (Франциска Трёгнер) и Симоне (Ганс-Петер Райнеке), то с появлением Аздака действие взрывается. История Аздака буквально сотрясает прочную конструкцию спектакля, решительно отчуждая историю Груше и Симоны. Лишь к финалу, близкому рождественской сказке, сюжетные линии благополучно пересекаются.

Эккехард Шалль разыграл свою эпическую эксцентриаду с энтузиазмом дебютанта, нечаянно получившего первую в жизни роль. Все смешалось в горах и долинах Кавказа с появлением Аздака, этого аристократствующего плебея в роскошных лохмотьях, этого трехгрошового короля всех обкраденных и обездоленных, всех униженных и оскорбленных. «Я беру!» — кричит он о взятке так, словно это «А все-таки она вертится!». Кто-то мог посчитать Аздака почти святым, потому что он был почти способен на чудо, избавляя бедных от житейских противоречий или по крайней мере небрежно сглаживает их. На деле же он не святой. Но и не записной сельский плут, а выдающийся прохвост, беспронимательный игрок. Virtuозный

искатель выхода из любого положения, даже из виселичной петли. В роли Аздака Шалль воистину акробат-философ. Или философ-акробат. После всего, что натворил его герой, никто не взялся бы проверить алгебру возникших неурядиц гармонией здравого смысла. Впрочем, спектаклю «Кавказский меловый круг» ближе не здравый смысл, а волшебство.

Выступающая в роли Груше Франциска Трёгнер — актриса с редкими для брехтовской школы данными и даже, кажется, противоположными ей. Но именно она стала лирической героиней гастролей и своего рода их сенсацией. Всепрощающая, всепонижающая улыбка мадонны. Мудрость доброты во взгляде будущей преданной жены и заботливой матери чужого ребенка. Нехрупко сложена — фигура идиллической пастушки с полотен старых мастеров. Олицетворение домашнего уюта и покоя. А на сцене — оторванная от крова, категорически бездомная, влекомая событиями все дальше и дальше от дома, которого нет.

Франциска Трёгнер играет и немую Катрин, дочь мамашы Кураж. Самый светлый и самый загадочный образ этой эпической трагедии. Величественно безмолвие Катрин, способной выразить все, даже невыразимое. В судьбах Груше и Катрин немало общего: обеих судьба снарядит в одиссею по дорогам жизни, обем готовит испытания. Тяжелый путь пройдет со своими героинями эта замечательная актриса. Именно благодаря Трёгнер «Кавказский меловый круг» и «Мамаша Кураж» зазвучат поэтически проникновенно.

В спектакле «Мамаша Кураж и ее дети» (очередное возобновление знаменитой постановки Бертольта Брехта и Эриха Энгеля 1949 года) прошлое героев увидено словно из их будущего. Тут действует особый масштаб восприятия: герои близко и вместе с тем где-то очень далеко. Они существуют в относительном сценическом времени, они вне настоящего, их уже нет, но они еще будут.

Выражение «тащить свой воз» получает в этом спектакле едва ли не всеохватное ис-

толкование. Мамаша Кураж и буквально впряглась в свой фургон маркитантки, и в то же время стоически тащит воз собственной судьбы. Образ мамашы Кураж жестоко и даже зловеще парадоксален: она наживается на войне, живая за счет чьих-то погубленных жизней. Жизнь здесь оказывается приживалкой у смерти.

Гизела Май в «Мамаше Кураж» артистична даже в сдерживании своего блистательного артистизма, в вярности выбранному тону, тону суровой саги. Это самоограничение большой актрисы, непременно помнящей, что она не сама по себе, а солистка в хоре.

Обманчивый покой и миром дышит эта красавая хроника времен Тридцатилетней войны. Подчеркнуто статичны выразительные, всегда скупые и законченные мизансцены. Все здесь не прекращено, не остановлено, но просеяно и спрессовано Временем. Тут не проходят дни и часы, тут движется сама История. Тут человек выходит на поединок с вечностью. «Мамаша Кураж» — художественно изысканный спектакль, полный правды о брехтовском театре.

Героями гастролей стали и главный художник «Берлинер ансамбль» Манфред Грунд (декорации «Кавказского мелового круга», декорации и костюмы «Мамашы Кураж») и Анна-Мария Рост (костюмы «Кавказского мелового круга»). Цвет оформленных ими спектаклей созвучен цвету брехтовских пьес. Это цвет побледневшего, «утраченного», но не утратившего для нас смысла времени. Это неяркие, строгие, благородные и мужественные краски. Действие обоих спектаклей разворачивается на бескрайнем белом фоне. Белый цвет — цвет самой вечности, эпический цвет. Мы отправляемся с театром в далекое, чтобы открывать близкое, чтобы в бескрайнем обнаруживать новые горизонты...

«Берлинер ансамбль» — театр подлинных мастеров. Кто-то скажет: а вчера, помнится, он был другим... Но в искусстве быть постоянно одинаковым скучно и неинтересно, лучше быть постоянно разным. Лучше быть другим, оставаясь собой.

Виктор ГУЛЬЧЕНКО.